

Глава 3

МАТУШКА ОСПА

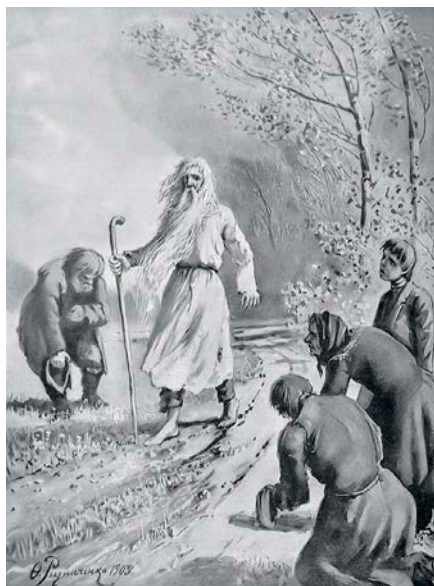
В 2021 году при раскопках на территории Рязанского кремля нашли первую в этих местах берестяную грамоту. В ней говорилось о конце света, который ждали в 1492 году: «Зде страх, зде скърбъ, зде беда велика». Подобных грамот наверняка ходило немало. В христианском мире ожидание конца света было постоянным фоном. В XIX веке к светопреставлению ежегодно готовились то в одном уезде, то в другом, а раз в двадцать-тридцать лет по всей империи прокатывалась подлинная паника.

Слухи о светопреставлении разносили странники и богомолки. Одни говорили, что в соседней губернии родился младенец с двумя головами, крикнул: «Молитесь! Близок конец света!» — и тут же помер. Другие — что на юге с неба свалилась бумага. Когда ее пробовали взять в руки, она закапывалась под землю и кричала: «Все вы грешны, не прикасайтесь ко мне!» Наконец нашелся праведник, схватил ее и прочел: до Страшного суда осталось семь лет, и кто хочет попасть в Царствие Небесное, должен жить праведно¹⁶⁹. Страшными историями странники будоражили фантазию крестьян, вызывали у них интерес и собирали больше милостыни.

Близкий конец света обещали и толпы нищих, бродившие по дорогам империи. Они пели:

Будет светопреставленье,
 Сырой земле поновленье;
 Загорится земля каменная,
 Пройдет река огненная.
 Солнце, луна померкнет;
 Падут звезды на сыру землю;
 С востока дождь пойдет
 На землю каменную,
 Сойдет Михаил-архангел
 На сыру землю,
 Вострубит трубы духовные,
 Разбудит живые и мертвые:
 Вставайте живые и мертвые,
 Надевайте ризы нетленные,
 Нетленные, неизносимые;
 Затепляйте свечи восковые,
 Восковые, неугасимые;
 Вы ступайте ко Господу Христу
 На праведный суд¹⁷⁰.

Свой вклад в связанные с концом света тревоги вносили юродивые и блаженные (в деревнях их звали «блажные»). Они скакали на кочергах и призывали людей каяться. Некоторые читали целые проповеди: мол, уже наступили последние времена, скоро грянет голод на семь лет, семь месяцев и семь недель, станут «люди злы, аки аспиды и василиски», на том все и кончится¹⁷¹. Еще говорили, по небу полетят страшные белые галки и с ними птица-клевица, которая примется глотать людей заживо. Пророков и предвозвестников конца света газеты ежегодно считали десятками. То к казакам заглянет апостол от Луки, то на Орловщине объявится сын Божий Кукарека. И каждый уверял, что миру осталось совсем чуть-чуть.

Юродивый. Иллюстрация из приложения к газете «Петербургский листок». Неизвестный художник, 1903 г.

Постоянные слухи о близком конце света формировали нездоровую атмосферу в деревне. Они порой затухали, а иногда разгорались и проносились с такой силой, что целое село отправлялось на ярмарку покупать гробы и на ночь надевало саваны.

Нередко светопреставления назначали на конкретный день, часто буквально на завтра.

В 1909 году в курском селе юродивый Илья Колбасов объявил, что кончина мира случится уже на следующий день. Утром последнего дня Колбасов разделся догола, взял крест и с толпой крестьян отправился в церковь, где шла служба. Он потребовал от священника вознестись живым на небо. В скандал вмешались пристав, стражники и урядники, которые арестовали Колбасова и других зачинщиков¹⁷². В том же

Миниатюра из лицевого Апокалипсиса с комментариями Андрея Кесарийского: Антихрист-Зверь выходит из моря, Дракон передает власть Зверю, XIX в.

году на другом конце империи, в Тюменском уезде, из-за проповеди странника жители целого села вечером вымылись в банях, надели саваны и всю ночь просидели на крышах изб в ожидании, когда с неба станут падать камни. Утром слезли на землю. Самое интересное, что они не были раздосадованы своим легковерием. Наоборот, радовались: «Слава Богу, пронесло!»¹⁷³

В 1912 году гастролирующий лектор расклеил по Одессе афиши своего выступления под названием «Мы завтра умрем». В городе поднялся переполох: жители калялись, молились, просили друг у друга прощения¹⁷⁴ — они приняли рекламу за официальное уведомление. Таких историй в газетах не одна сотня. Слухи о конце света разгорались то в одном, то в другом месте, а слова «молитесь, братцы, конец мира близок» перекачивались по всей империи.

Знаки подступающего светопреставления народ видел повсюду. Любые новшества — телеграфные провода, железные дороги, самовары, аэропланы — крестьяне нередко оценивали как признаки конца света. В Пермской губернии обвешанный иконами и крестиками парень показывал народу коробку спичек со слоганом по случаю наступления 1900 года: «Новость! Конец XIX века». Парень уверял, что надпись говорит про окончание «Христового века», потому что «XIX» значит «Христос»¹⁷⁵. И, стало быть, в скором времени наступит царство антихриста, а мир погибнет. В те же годы выпустили новые пятирублевки с головой льва. Казаки отказывались их принимать, считая нечистыми и называя голову льва портретом антихриста¹⁷⁶.

Антихрист был обычным героем в рассказах странников и юродивых, которые часто говорили, что он уже родился, растет, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам и вскоре объявится миру. Его матерью называли столетнюю девственницу-еврейку, которая скрывалась от мира в архангельских болотах. Говорили, что через неделю после рождения у младенца-антихриста выросли за ушами крылья и он отправился облетать мир, предназначенный ему для истязания¹⁷⁷.

Истории странников сильно впечатляли некоторых крестьян, и они старались подготовиться к скорому приходу антихриста. Говорили, при его царствии наступит страшный голод, а вода перейдет под его власть: кто захочет пить, должен будет присягнуть антихристу. Чтобы этого избежать, саратовский мужик тайком выкопал у себя в избе колодец: мол, антихрист такого колодца не заметит, а мужик и душу сохранит, и пить сможет вдоволь¹⁷⁸.

Кроме знаков конца света, крестьяне регулярно встречали слуг или даже самого антихриста. За них принимали чужаков: статистиков, агентов кредитных и страховых обществ, геологов, землемеров, художников, велосипедистов.

В 1893 году на совершавшего велосипедную поездку по югу России штабс-капитана крестьяне натравили свору собак. В другой деревне крестьянки, завидев его, подняли визг, побросали белье на речке и пустились наутек. Когда военный их догнал и попросил молока и еды, крестьянки начали креститься и упрашивали отпустить их «на покаяние». Пришлось капитану голодным ехать до ближайшей станции¹⁷⁹. В 1899 году в Могилевской губернии крестьянин сделал двухколесный велосипед. Крестьянки при виде его плевались, крестились и говорили: антихрист уже рассылает по деревням своих гонцов¹⁸⁰. В Вологодской губернии молодого офицера, катавшегося на велосипеде, приняли собственно за антихриста. В одной деревне при его появлении жители попрятались в избы и заперли ворота на запоры. Какой-то мужик упал в обморок, столкнувшись с ним в лесу¹⁸¹. А в 1833 году казаки признали за антихриста Пушкина, который расспрашивал их о Пугачевском бунте. Когда Пушкин уехал, казаки направили начальнику края донесение: «...был у нас неизвестного звания человек, со товарищи, середняго роста, лицом смугл, волосом черен и курчав, на пальцах за место ногтей когти, подбивал под Пугачевщину и дарил золотом: должён быть Антихрист, потому вместо ногтей на пальцах когти»¹⁸².

По признанию провинциальной прессы, антихристы переполняли русскую культуру настолько, что можно говорить об особом помешательстве — антихристомании¹⁸³.

На этой почве даже из-за пустяков случались убийства, разгорались побоища и бунты. В Пензенской губернии земское начальство в 1896 году по случаю коронации императора Николая Второго закупило для крестьян картины. Сельский староста пошел их раздавать. Православные брали, а раскольники-сектанты (беглопоповские и австрийские), которые составляли бо́льшую часть жителей, отказывались и даже убегали из дому. Вечером староста отправился

к зданию волостного правления, чтобы отнести оставшиеся картины, и в овражке заметил множество раскольников. Когда подошел, из толпы крикнули: «Лови и раздевай его, он давно уже перешел на сторону антихриста, я сам видел у него на руке клеймо». Раскольники набросились на старосту, разорвали на нем рубашку и увидели на руке черное пятно (это была родинка). Началось избиение. На крики сбежались православные, хотели выручить старосту, однако толпа кинулась и на пришедших. На следующее утро раскольники пошли по селу, врывались в дома православных, срывали и рвали подаренные в честь коронации картины. Наконец прибыл исправник с солдатами из ближайшего города. Только тогда раскольники остановились. Выяснилось, что их смутил некий странник, который слышал про грядущую раздачу картин и рассказывал: уже наступило пришествие антихриста и раздают проклятые картины. «Вот вам выдавать будут картины, не берите, в противном случае сделаетесь его последователями», — уверял он. Странника больше никогда в селе не видели, а печальным итогом двухдневного побоища стали убитые и искалеченные¹⁸⁴.

Подозрительнее всего народ относился к печатям, опасаясь, что ими клеймят в подданные антихриста. В Симбирской губернии некоторые обыватели отказывались покупать клейменное на бойнях мясо¹⁸⁵. На Урале за слуг антихриста принимали агентов поверочной палаты, которые ставили клейма на торговые гири и весы; про них говорили: «Приехали клеймовщики антихриста и всех клеймят в антихристову рать»¹⁸⁶.

Под печатью антихриста крестьяне понимали разные клейма и даже бумажные документы, но чаще всего — предохранительную прививку от оспы. Ее боялись из-за способа прививания, при котором на коже делали надрез, оставлявший заметный шрам. К другим медицинским предохранительным мерам крестьяне относились спокойнее. Например,

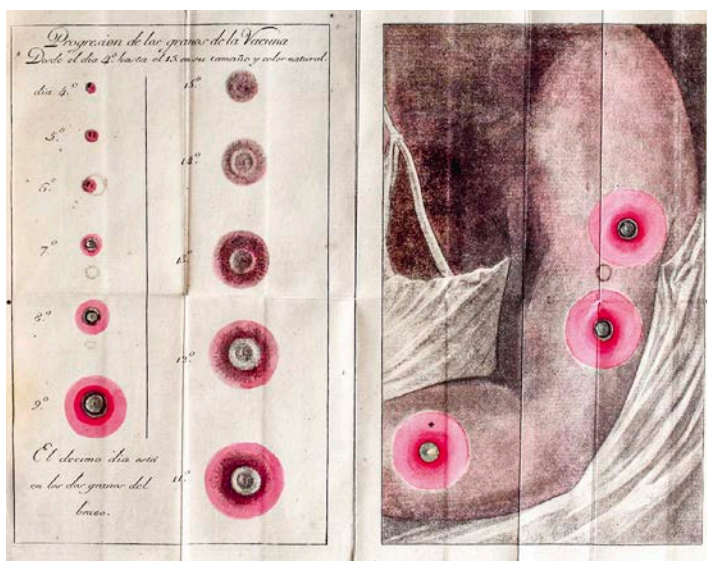

Таблица с изображением шрамов («следов-печатей»), которые остаются после прививки от оспы. Из книги Жака Луи Моро де ла Сарта «Исторический и практический трактат о вакцине», 1803 г.

сыворотку от дифтерита впрыскивали в горло и в деревне ее хвалили как остроумнейшую выдумку докторов. Даже у старообрядцев, известных своим недоверием к новшествам, противодифтеритная сыворотка получила полное доверие, когда они увидели, что ее не прививают, а впрыскивают¹⁸⁷. А вот перебороть страх перед «клеймением» антихристовой «воспой» деревня никак не могла.

Оспу вызывают два родственных вируса: натуральной (*Variola major*) и коровьей оспы (*Variola minor*). У первого высокая летальность (до 40 процентов), второй проходит почти без последствий. На этом основана вакцина: людям прививают коровью оспу, организм учится бороться с вирусом, и более опасный штамм уже не может успешно его атаковать.

Вакцина хорошо предохраняет от оспы. Беда в том, что русская деревня относилась к оспенным прививкам даже не плохо, а прямо агрессивно. След от прививки называли печатью антихриста («антиевой печатью»). Старики уверяли: прививать оспу — такой «великий грех», что отмолить его не легче, чем вырастить дерево из закопанной на дороге обгорелой головешки¹⁸⁸. Доходило до того, что прививку приравнивали к подписанию договора с дьяволом¹⁸⁹.

У раскольников ходила живописная легенда про оспенные прививки: в старинной книге («цветничке») было записано пророчество, что перед концом света прилетит птица с железным носом и станет клевать людей. Птица — это иносказание: это врачи со скальпелями, которыми режут кожу («клюют») для введения вакцины, и работают они в преддверии светопредставления, в интересах антихриста¹⁹⁰. По убеждению многих крестьян, человека с такой печатью антихриста не пустят в Царствие Небесное и наоборот: рябые идут сразу в рай, где их кожа покрывается цветами, а в каждой оспинке-щербинке вырастает по красивому цветочку или блестящей жемчужине.

Кроме того, оспу считали болезнью, которую посылает Господь для вразумления людей, и бороться с ней грешно. Оспой болели в основном дети до двенадцати лет, что тоже мешало борьбе с нею. Выше уже говорилось, как равнодушно крестьяне относились к детским смертям. «Бог дал утеху родителям поласкать детей и потом посылает „госпочку“ (оспу), спешит в назначенное время убрать лишних, чтоб не стало тесно остальным», — говорили в деревнях¹⁹¹. В результате во многих регионах у крестьян сформировалось резкое неприятие оспопрививания.

Власти более ста лет пробовали побороть оспенные предрассудки. В годы царствования Александра Первого крестьянам раздавали лубочные картинки со стихами:

*Послушайте, отцы и матери-глупухи
И пуще всех карги, упрямые старухи!
Возмיתесь за ум, не бойтесь коров:
Кто воспут их привьет, тот жив, цел и здоров*¹⁹².

Кампания шла вяло. Саратовский санитарный врач шутил, что по своей медлительности прогресс оспопрививания был «совершенно геологическим»¹⁹³.

В конце концов прививку от оспы сделали обязательной для всех, однако и это плохо помогало. Не только в глуши, но и в окрестностях Москвы в конце XIX века разыгрывались такие сценки.

В деревню Шелепиху приехал врач прививать оспу. Крестьянских ребят собрали в школе, один из них после введения вакцины заорал и побежал по улице с плачем: «Караул! Антихрист мне печать приложил!» Крестьяне всполошились, схватили доктора, обозвали антихристом и повели к старосте, который взглянул на документы врача и убедился, что перед ним стоит некто Вишняковский из Тушинской лечебницы. Мужики не поверили: «Какой он врач? У него паспорт фальшивый!...» Доктор счел за благо убраться из деревни поскорее¹⁹⁴.

При появлении оспенных врачей крестьяне прятали детей в подполье (даже закапывали в сушеный навоз), пытались дать врачам взятки, лишь бы не вводили вакцину. Если не получалось, то после отъезда врачей оспу «развивали»: скоблили место прививки ножами и вымывали вакцину мыльной водой. «Только уж очинно тяжело это для ребятешек-то!» — сокрушались матери¹⁹⁵. Некоторые высывали вакцину соломинкой¹⁹⁶.

Отношение крестьян к оспе было интересным: ее старались ублажить и не злить. Вероятно — из-за особенностей оспы, от которой дети страдали по-разному: одни умирали, другие глотили и слепли, третьи выздоравливали безо всякого

*По бездорожью в Тверской губернии. Земский врач.
Картина И. И. Творожникова, конец XIX в.*

вреда. Кажется, от этого в народе зародилась мысль, что оспе нужно задобрить и подкупить и тогда она станет ласковой, не погубит и не покалечит ребенка. В деревнях ее встречали как дорогую гостью: пирогами, водкой и хлебом-солью в надежде, что оспа останется довольной и не будет лютовать.

В олонечкой глуши к ней обращались с приветствием:

Оспа-оспица,
Красная сестрица!
Хлеба-соли откушай,
Наше моление послушай!
Без огня к нам приди,
За дубовым столом посиди,
На далекий путь отдохни;
Гости час,
Уйди от нас —
С буйным ветром полетай
В заморский-чужой край,

На неверных людей

*Уноси сто огней!..*¹⁹⁷

Торжественная встреча оспы проходила в избе первого заболевшего. Едва в деревне появлялся оспенный больной, крестьянки одевали детей в праздничную одежду и шли к оспе (то есть к больному) на поклон. Приходили не только из родного селения — шли со всей округи, из деревень и сел, лежащих в 10–15 верстах.

Дети подходили к постели оспенного, троекратно с ним целовались и говорили заученное приглашение. Например, такое: «Воспа Воспиновна! Пожалуйте к нам, будем пряником кормить и вином поить»¹⁹⁸. Или покупали у больного оспу со словами: «Дай сыпушки на полушку» (сыпушкой называли болячку от оспы). Зараженный сковыривал корочку, выдавливал гной, мать втирала его, сделав надрез на руке ребенка¹⁹⁹.

Могли обойтись и без надреза: натирались оспенной корочкой и тоже заражались²⁰⁰. Отличие от медицинской прививки было в том, что первая использовала безопасную коровью оспу, а «деревенский вариант» — опасную; первую делали врачи (для деревни они были чужаками), вторую делали сами крестьяне.

Детей также могли собрать в одной бане с заразным и устроить коллективный сеанс заражения, целенаправленно напаривая здоровых и больных. Постукивали их одним венником и призывали оспу в гости: «Матушка Воспенка, приди, родимая, на моего Ваничку, Коленьку»²⁰¹.

Если ребенок никак не мог заразиться, мать нервничала, пекла пироги и снова шла на поклон к оспенному больному в твердой уверенности, что, если оспу уговорить прийти в гости, она явится дружелюбной, но если она придет сама без приглашения — будет злой и сердитой, погубит ребенка.

Сердобольные матери сами отправлялись с кренделем и булкой к заразному ребенку, кормили его, кланялись в землю и просили оспу в его лице: «Сударыня-воспица, приди к моему Ванюшке, милостивая да жалостливая, не мучь, не увечь, а пожги и уйди». Обьедки от булки несли обратно и кормили своих детей, наверняка перенося в дом оспу²⁰².

Благодаря такому отношению вирус быстро укладывал в постели, а потом и в могилы тысячи детей ежегодно.

Внешности у духа оспы не было. Было только женское имя, часто с отчеством, которое менялось от случая к случаю: Оспа Ивановна, Оспа Афанасьевна, Оспа Осиповна. Иногда оспу звали просто матушкой или бабушкой. Как она выглядела: была красивой женщиной или страшной, старой или молодой, — в поверьях не говорилось. Разве что в Орловской губернии записали необычное мнение крестьян, будто оспа — это безобразная женщина, у которой вместо глаз воловьи пузыри, а людей она заражает, облизывая своим ядовитым языком²⁰³. Портрет единичный.

Зато у оспы был характер. Воображению крестьян она рисовалась как капризная особа, не переносящая брани, воды, тяжелых запахов.

Оспой болели четыре-шесть недель. Все это время в доме, где лежал оспенный ребенок, запрещалось менять одежду и ругаться, в избе не подметали и не мыли пол: всего этого оспа не любила. Старались удовлетворять и отдельные капризы оспы, которые проявлялись в желаниях больного.

Оспа уж че попросит, то и давали. Она ведь вот осердится на человека, че-нибудь да сделает, с рукой, с ногой, хоть и с глазом. Глаз унести может. Она или яблочка, или орехов, или суп хотела. Больной-то припрашивает, это, значит, оспа припрашивает, надо давать²⁰⁴.

От оспы иногда спасаются так: не надо злить заболевшего, что попросит, все ему давать²⁰⁵.

Тяжелый исход болезни (смерть, инвалидность) крестьяне объясняли тем, что оспу обидели. И когда кто-то по недосмотру нарушал правила общения с оспой, то просил у нее прощения: «Оспица-матушка, прости нас, многогрешных»²⁰⁶.

Был и более сложный ритуал извинения. Нарушившие оспенные запреты пекли тридцать крошечных пирожков, обходили деревню и звали всех больных оспой детей в гости, тем самым приглашая к себе саму оспу. Больных угощали, затем хозяева становились на колени, кланялись и просили: «Оспа Ивановна, прости нас, грешных, если мы виноваты пред тобой». Больные хором отвечали: «Прощаем»²⁰⁷. Когда больной выздоравливал, оспу торжественно провожали и на прощание («на проводины») пекли ей пироги²⁰⁸.

Схожее отношение к оспе демонстрировали и другие народы: многие признавали оспу за божественную болезнь и старались заслужить ее симпатию. Армяне верили, что оспу насылают ангел по имени Хрештак, и запрещали ее лечить, а на больного смотрели как на осененного особой милостью Божьей. Соседи толпами ходили в гости к заразному, чтобы его поздравить, и тем самым распространяли оспу²⁰⁹. В Грузии старались во всем угодить оспе, развлекали ее и забавляли. В доме больного пели песни, плясали: «Чтобы доставить ангелам оспы удовольствие и тем достигнуть благополучного исхода болезни, женщины, окружающие больного, раздеваются догола и начинают приплясывать по комнате»²¹⁰.

Тунгусы и буряты во время эпидемий ставили перед юртами угощение оспе: молоко, чай, мясные блюда. Якуты

устраивали оспенные пиры и зазывали соседей к больному²¹¹. Алтайцы и телеуты запрещали шаманам камлать об исцелении оспенного больного²¹².

Фактически разновидностью оспы в русских деревнях считали корь (корюху). К ней относились как к оспе — так же лечили, называли «царевницей», «Царевной Васильевной». Чтобы корь не рассердилась, соблюдали оспенные запреты: не ругались, не мыли полов, не стирали белья, а супруги не спали вместе. Лечили захворавшего баней, напаривая раз в сутки. А неблагоприятный исход болезни приписывали нарушению запретов²¹³.

Были и интересные нюансы. В Прикамье считали, что кори (духу кори) нравится красный цвет, поэтому больного окружали красным: «Девки у меня болели корюхой — я тряпки на окна навесила, на девок одела платья красного цвета: корь любит красное. И быстрее прошла эта сыпь...»²¹⁴

Эпидемии оспы в отсутствие прививок принимали эпический размах. В иных русских деревнях поголовно все дети страдали от оспы. Причем в соседних, которые делали прививки, оспа не появлялась.

Показательная история произошла в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. В деревню Плотинку каждые три-четыре года заходила оспа и забирала заметное число детских жизней. В других деревнях ее не было. Причина заключалась в прививках: в Плотинке их считали грехом, а смерть от оспы называли почетной, поэтому матери прятали детей от докторов²¹⁵. Еще пример: в Хвалынском уезде Саратовской губернии, в деревне раскольников, где не делали прививок, только в один год от оспы умерло более четырехсот детей. В ближайших деревнях, где на прививки соглашались, за то же время скончались трое²¹⁶.

Всего по империи оспа в конце XIX века ежегодно забирала десятки тысяч детских жизней. Немалое

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

